РОЙ КРОУЛ

ДОМ 107

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К83

Дизайн обложки *Виктории Давлетбаевой*

Кроул, Рой.

К83 Дом 107 : [детектив] / Рой Кроул. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Герметичный детектив).

ISBN 978-5-17-182879-0

Вахтовый поселок «Ледник-7» отрезан от мира бесконечной метелью. Связи нет. Выхода нет. Есть только восемь квартир и в них горстка жильцов, каждый из которых хранит свои тайны.

Когда в доме находят тело профессора — гениального ученого и опасного социопата, который годами изучал соседей как участников собственного эксперимента, — привычный порядок рушится.

Спившийся инженер Артур Нэш, художница-анархистка Хлоя Леблан, бывший полицейский Марк Митчелл и тихий аспирант Лео Грей оказываются втянуты в игру, где каждый может быть убийцей.

Пока за окном бушует метель, Дом 107 становится ловушкой, в которой границы между правдой и ложью стираются.

И кто знает, на что способны жильцы ради сохранения собственной жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-182879-0

© Рой Кроул, текст
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2026

ПРОЛОГ

Ночь была живой. Она не просто опустилась на вахтовый поселок «Ледник-7» — она вцепилась в него, пытаясь раздавить бетонные коробки жилых блоков в своей ледяной хватке. Ветер не выл, а скрежетал, словно гигант точил невидимые лезвия о промерзшую обшивку мира. Метель билась в армированные стекла горстями мелкой ледяной крошки, и этот непрерывный шорох действовал на нервы сильнее любого крика.

Но здесь, в квартире № 7, царила тишина, искусственная, непроницаемая, лабораторная. Воздух, насыщенный запахом старой бумаги, дорогого одеколона и едва уловимой ноткой озона от работающей электроники, застыл. Единственным звуком, пробивавшимся сквозь вакуум этого кабинета, был утробный гул аварийного генератора из подвала — далекое, натужное сердцебиение изолированного мира.

Профессор Джулиан Крофт стоял над своим творением. На огромном чертежном столе, залитом холодным,

хирургическим светом настольной лампы, была разложена социограмма дома. Имена, выведенные каллиграфическим высокомерным почерком, были пришпилены к пробковой основе. От них тянулись тонкие, как паутина, нити связей: красные — конфликт, синие — зависимость, зеленые — пассивное наблюдение. Все это сплеталось в уродливый, но завораживающий узор.

На тонких губах профессора играла тень улыбки: не радостной — исследовательской. Метель, отрезавшая их от материка, была не проклятием, а даром, решающим элементом, который превратил его социальный эксперимент в идеально чистое уравнение.

Он протянул руку и нажал кнопку маленького черного диктофона, лежавшего рядом с картой. Щелчок прозвучал в тишине комнаты непозволительно громко. Загорелся крошечный красный огонек.

— Журнал наблюдений, — произнес Крофт в пустоту. Голос его был ровным, лишенным эмоций, словно он диктовал научный отчет. — Проект «Эффект Кассиопеи». Стадия вторая: катализ. Погодные условия превзошли все ожидания. Объект наблюдения — жилой блок «Ледник-7» — полностью изолирован. Внешние переменные сведены к нулю. Мы получили идеальную чашку Петри.

Он сделал паузу, его длинный палец завис над картой, около булавки с именем «Артур Нэш».

— Субъект-носитель, нулевой пациент Артур Нэш, демонстрирует ожидаемую реакцию. Алкогольная зависимость усиливается под давлением изоляции, социальная отчужденность переходит в латентную агрессию.

Он — идеальный громоотвод. Грубый, но эффективный инструмент для концентрации рассеянной неприязни коллектива. Они обвинили его во всех своих бедах, просто еще не нашли повода произнести приговор вслух. Стигматизация — лишь вопрос времени.

Крофт помолчал, прислушиваясь к собственным словам и оценивая их точность. Затем он позволил себе тихий, едва слышный вздох разочарованного перфекциониста.

— И все же… в этом есть определенная банальность. Слом отщепенца — лишь подтверждение очевидного. Толпа всегда находит козла отпущения, особенно такого, который сам подставляет шею под нож.

Его палец скользнул по карте, миновал имена авторитетных Гомезов, пролетел над именем властного Митчелла и замер над яркой, вызывающе алой булавкой с пометкой: «Хлоя Леблан, кв. № 4».

— Однако истинная проверка теории, ее элегантность, — продолжил он, и в его голосе зазвучали страстные нотки, — проявится не в реакции на изгоя, а в реакции на анархиста.

Он слегка коснулся булавки, будто боясь обжечься.

— Объект «Леблан» — вот настоящая лакмусовая бумага. Хлоя непредсказуема, она — чистый хаос, облаченный в человеческую форму. Она не ищет одобрения и не боится осуждения. Ее поступки не подчиняются социальной логике, только сиюминутному импульсу. Система умеет переваривать предсказуемую угрозу, такую как Нэш. Но Леблан — это случайная мутация, которую невозможно классифицировать. Именно поэтому ее падение, ее отторжение организмом станет подлинным

триумфом системы. Когда они, доведенные до предела, объединятся не против того, кого ненавидят, а против той, кого не понимают, вот тогда мы получим чистый, неопровержимый алгоритм.

Он замолчал, упиваясь красотой собственной гипотезы. В стерильной тишине, нарушаемой лишь воем ветра за окном, его теория казалась совершенной, как математическая формула.

В этот момент в дверь ударили дважды. Два резких, требовательных удара, сухих, как выстрелы. Они прошили тишину, нарушив ее безупречную геометрию.

Крофт вздрогнул. На его лице отразилось сложное выражение: смесь брезгливого раздражения и хищного интереса. Незваный гость — новая переменная.

Рука медленно опустилась на диктофон. Он нажал кнопку. Красный огонек на секунду мигнул и снова загорелся — запись продолжалась. Профессор лишь поставил временну́ю метку, отделяя научный монолог от того, что должно было произойти дальше.

Он не спеша поднялся со своего кожаного кресла, которое протестующе скрипнуло, оправил манжеты. Крофт был хозяином в этом мире, и он шел открывать дверь с холодным любопытством энтомолога, к которому в банку залетело новое, неизвестное насекомое.

Шаги стихли у двери. В наступившей тишине слышно было, только как воет за стеной метель. Щелкнул замок.

Кто вошел в лабораторию, мы не знаем. Нам известно лишь то, что маленький черный диктофон на столе теперь хранит в себе страшную запись — завещание своего владельца.

ГЛАВА 1. НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

Несколько часов до...

Дом № 107 кондоминиума «Ледник» напоминал корабль, севший на мель в океане. Официально здание значилось как «7-й жилой блок 100-го сектора», но для краткости все называли его просто: «Сто Седьмой». За его пределами метель стирала горизонт, сливая землю с небом в мутное ничто. Внутри этого ковчега, в квартире № 3, царила своя, отдельная тишина, тяжелая, как вода в трюме.

Артур Нэш, уволенный с предприятия за пьяный скандал, отсиживался в служебной квартире. Он стоял посреди комнаты, и пол под его ногами слегка покачивался. А может, качался он сам. Воздух пах застарелым табаком, пылью и безнадежностью. Единственным ярким пятном в этом сумраке была бутылка виски на столе — подарок профессора из седьмой квартиры. Нэш ненавидел Крофта, чей взгляд буравил его каждый раз, когда они сталкивались в узком коридоре. Но виски был хорошим, насмешливо дорогим.

Грубые пальцы Артура с трудом обхватили граненый стакан. Стекло было холодным и тяжелым. Другая рука, дрожа, подняла бутылку. Золотистая жидкость хлынула в стакан с глухим бульканьем, нарушив оцепенение комнаты. Нэш наливал почти до краев, наблюдая, как янтарный напиток ловит тусклый свет единственной лампы. Он не доверял людям, которые дарят такие подарки. Это походило на плату за что-то, о чем ему не сказали.

Нэш шагнул к окну — и мир снова качнулся. Ноги, обутые в стоптанные домашние тапочки, тихо шаркали по линолеуму. За стеклом не было ничего, и именно это «ничего» пугало больше всего. Обычно даже в самую скверную погоду на горизонте виднелось грязно-оранжевое зарево — дыхание буровой установки «Полярная Звезда-12». Пять километров ледяной пустыни и она — гигантский металлический монстр, вцепившийся в вечную мерзлоту. Причина, по которой Фростхейм появился на карте. Поселок был не более чем придатком к вышке, предназначенным для людей и припасов. Дом «Ледник-7» был самым новым и приличным зданием в этой дыре, там жили те, кто обслуживал работников «Звезды»: врачи, техники, управляющие и решившие пустить здесь корни, обманывая себя, что жизнь на краю света — это тоже жизнь, а не затянувшаяся вахта длиною в вечность.

Но сегодня не было даже зарева: метель поглотила его вместе с горизонтом. Артур прислонился плечом к ледяной стене, и холод мгновенно просочился сквозь тонкую ткань старой фланелевой рубахи. За стеклом

была лишь бешеная пляска снежинок, несущихся параллельно земле, словно рой обезумевших насекомых. Они сливались в сплошной движущийся занавес, за которым угадывались призрачные, едва различимые очертания соседнего крыла дома. Там тоже горели окна — тусклые, одинокие глаза в буре.

Нэш поднес стакан к губам и замер. Он смотрел на свое отражение в окне, наложенное на бушующую стихию, и видел в нем призрака лучшего инженера «Полярной Звезды-12», который мог на слух определить сбой в работе бура за пару километров. Человека, которого уважали за руки и голову, а не презирали за пьянство. От него по-прежнему несло дизелем, и этот запах напоминал о жизни, которую у него отобрали. И виновником он считал не судьбу, а Марка Митчелла — бывшего полицейского, ставшего начальником службы безопасности, который списал Нэша после первого же срыва. «На объекте нет места ненадежным элементам, Артур», — фраза, сказанная казенным, безразличным тоном, снова и снова прокручивалась в голове. Теперь они заперты здесь, в одной клетке.

В ушах стоял гул — низкое пение метели. В квартире, напротив, ничего не издавало ни звука. Артур был один. Абсолютно и окончательно. Заперт в этой коробке, в городе на краю света.

Он сделал глоток — виски обжег горло, огненной волной спустился в пустой желудок и осел теплым комом. На мгновение стало легче. Пламя внутри было сильнее холода снаружи. Нэш снова посмотрел в окно: где-то там, за этой стеной снега, был другой мир,

которому все равно на Артура. Но сейчас был только дом № 107 и он — нулевой пациент в лаборатории, о существовании которой он даже не догадывался, хотя чувствовал, как сжимались ее стены.

В квартире № 6 воздух был теплым и пах ромашкой. Марк Митчелл сидел на краю жесткого стула, его массивная фигура казалась неуместной среди аккуратных стопок медицинских журналов и анатомических плакатов на стенах. Он машинально потер колено, стараясь сделать это незаметно. Бесполезно: доктор Эмили Картер замечала все.

Она сидела в кресле напротив, не отрывая взгляда от Митчелла. Единственная причина, по которой врач ее уровня согласилась на работу в этой ледяной дыре, была проста и уродлива: двойная северная ставка. Суд обязал Эмили выплачивать огромные алименты бывшему мужу, который забрал сына и теперь тянул из нее деньги, пользуясь своими связями. В ее руках была чашка с дымящимся чаем, но она не пила.

Ломота в колене Митчелла была его старым врагом. Холодный отголосок раздробленной кости, она усиливалась в промозглую погоду. Сегодня колено не просто ныло: боль вгрызалась в нервы мелкими острыми зубцами.

— Ты принимаешь то, что я выписала тебе в больнице? — ее голос был ровным.

— Пью, — коротко бросил Митчелл. Признавать слабость было не в его правилах, но он не мог лгать Картер. Она видела больше, чем он говорил. — Работает. Слишком хорошо, я бы сказал.

Митчелл перенес вес на здоровую ногу, и стул под ним тихо скрипнул.

— Меня выключает: в девять вечера глаза слипаются, будто я пахал сутки. Сплю как ребенок.

В его голосе прозвучало раздражение. Он, управляющий домом, бывший полицейский, привыкший контролировать все: свое тело и окружение, — теперь подчинялся графику, продиктованному крошечной белой таблеткой. Это унижало.

Бывший капитан полиции в мегаполисе оказался списан в богом забытый Фростхейм после того, как его колено раздробили во время рейда. Митчелл воспринимал должность в жилом блоке «Ледник-7» как принудительную пенсию с видом на сугробы. Он смотрел на жильцов — художников, клерков, врачей — как на гражданский персонал, который вечно создает проблемы. Управлять командой нефтяников на вышке было проще: за ошибку он мог ударить или лишить премии. Там была четкая иерархия, устав и дисциплина. Здесь же — сборище истериков, анархистов и пьяниц вроде Нэша, которого он сам уволил полгода назад. Теперь Митчеллу приходилось следить, чтобы жильцы не перегрызли друг другу глотки.

Картер сделала маленький глоток.

— Это сильное обезболивающее с седативным эффектом, Марк. Мы можем попробовать снизить дозу, но тогда вернется боль. Решай сам.

Выбора не было. Боль превращала его в зверя, готового огрызаться на каждую тень. Сонливость же делала беспомощным. Из двух зол он всегда выбирал то, с которым мог мириться в одиночестве.

— Нет, пусть все остается как есть, — Митчелл поднялся, опираясь на спинку стула. Колено отозвалось тупым, протестующим толчком. — Пойду к себе.

Он кивнул ей резче, чем хотел. Благодарность застряла у него в горле. Он не привык быть в роли просителя.

Эмили Картер молча проводила его взглядом до двери. Она видела уставшего человека и понимала его большой страх — потерять контроль.

Дверь за Митчеллом закрылась, и коридор встретил его сквозняком и гулом ветра, который здесь, между этажами, звучал глухо и тревожно. Он направился к себе, в квартиру № 5, тяжелыми размеренными шагами, как будто он шел не домой, а на пост, который вскоре сдаст под натиском неизбежного химического сна.

Сквозь стену, разделявшую четвертую и вторую квартиры, просачивался рваный бас, настойчивый, как биение больного сердца. Он вибрировал в половицах, в ножках стульев, в головах тех, кто пытался от него

укрыться. Но в квартире № 4, в эпицентре звукового шторма, царила своя гармония.

Жилище Леблан больше напоминало мастерскую, которая по недоразумению обзавелась диваном и плитой. Хлоя, дочь одного из акционеров компании «Полярная Звезда-12», была сослана сюда отцом после того, как ее выставка в столице закончилась наркотическим скандалом и погромом. Ей платили пособие, лишь бы она не светилась в новостях и сидела тихо на окраине цивилизации. Воздух в ее квартире пах скипидаром, льняным маслом и дешевым красным вином. Повсюду громоздились холсты разных размеров: агрессивные мазки, искаженные лица и городские пейзажи, похожие на вскрытые раны. Пол, там где не был укрыт старым брезентом, пестрел разноцветными каплями — картой прошлых вдохновений и разочарований.

Сама Хлоя, босая, в испачканных джинсах и растянутой серой майке, откинулась на спинку дивана, закинув ногу на подлокотник. Она держала бокал за основание, слегка покачивая его в такт музыке, и смотрела на большое, почти законченное полотно. Ее глаза, темные и сосредоточенные, следили за игрой света и тени, которую она создала сама. Музыка была топливом, частью творческого процесса, звуковым аналогом того хаоса, что она выплескивала на холст. Этот грохот был пульсом ее собственного мира, и Хлое не было никакого дела до миров, существовавших за тонкой бетонной перегородкой.

Квартира Гомезов была полной противоположностью жилищу Хлои. Здесь был стерильный порядок:

бежевые обои в мелкий цветочек, отполированная до блеска мебель из темного дерева, вышитые салфетки под вазами. На обеденном столе, накрытом на троих, на выглаженной скатерти, стояли тарелки с жареной курицей и картофельным пюре. Аромат еды смешивался с навязчивым запахом ванильного освежителя воздуха. Все было готово для ритуала под названием «семейный ужин».

Однако он был нарушен: низкочастотная лихорадка, проникавшая сквозь стену, превращала уют в пытку. Восьмилетний Матео сидел на стуле с идеально прямой спиной, положив ладони на колени. Он смотрел в свою тарелку, не смея прикоснуться к еде. Он ждал разрешения.

Мать мальчика, Изабелла Гомез, стояла посреди кухни, сжимая в руке вилку так, что побелели костяшки пальцев. Ее лицо превратилось в напряженную маску. Каждый удар баса из соседней квартиры был для нее личным оскорблением, варварским вторжением в ее упорядоченную вселенную.

— Я больше не могу это терпеть! — прошипела она, обращаясь к мужу. — Гектор, сделай что-нибудь! Каждый вечер одно и то же! Наш ребенок не может спокойно поесть в собственном доме!

Гектор Гомез, невысокий мужчина с уставшими глазами, поднял руки в беспомощном жесте. Он занимал пост ведущего логиста на «Полярной Звезде» — работа хлебная, но ответственная, ведь именно через его подпись проходили все акты приемки оборудования. Они с Изабеллой приехали сюда за большими деньгами, надеясь накопить на дом в теплых

краях и навсегда забыть гул генераторов. Но пока что Гектор лишь глубже тонул в море корпоративных интриг.

— Изабелла, тише… Что я сделаю? Пойду стучать в ее дверь? Ты же знаешь: это бесполезно. Она или не откроет, или сделает еще громче.

— Бесполезно? — Ее голос сорвался на крик. — Мы должны сидеть и слушать этот грохот, потому что всё бесполезно? Ты пойдешь к Митчеллу! Он управляющий!

— К Митчеллу? — он нервно сглотнул. Гектор работал в административном отделе «Полярной Звезды» и прекрасно знал, что от настроения бывшего полицейского зависят премии и рабочие контракты. — Изабелла, Митчелл не решает проблемы, он ставит галочки напротив фамилий тех, кто ему не по душе. Ты хочешь, чтобы он отметил нас?

Не дожидаясь ответа, она развернулась, схватила стоявшую в углу швабру и, подбежав к стене, принялась колотить по ней черенком. Глухие, бессильные удары тонули в музыке. Хлоя, скорее всего, даже не слышала их. Но в тишине нетронутого ужина они звучали как отчаянный вопль.

— Изабелла, прекрати! — Гектор подскочил к ней, пытаясь отобрать швабру. — Ты только себя позоришь!

Она оттолкнула мужа, тяжело дыша. На бледных щеках выступили красные пятна. Матео продолжал сидеть неподвижно, глядя на тарелку с остывающей курицей. По другую сторону стены продолжало биться чужое безразличное сердце.